

A grand piano is positioned in the foreground of a room with ornate, golden-brown architectural details. A large, arched window behind the piano reveals a fantastical, ethereal landscape. The landscape features jagged, crystalline mountains and a winding path or river. The sky is a vibrant mix of purple, blue, and pink, dominated by a large, glowing, multi-colored orb that resembles a planet or a celestial body. The overall atmosphere is dreamlike and surreal.

Колчин Максим

**Подробности
дела № 1000**

Колчин Максим

Подробности дела № 1000

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72210187

SelfPub; 2025

Аннотация

Увлекательный фантастический детектив на тему поиска себя в музыкальном творчестве. Действие происходит на вымышленной Белой Планете, которую населяют исключительно творческие личности. Главный герой выдающийся пианист, мечтающий стать композитором и получить приглашение в Фиолетовый Зал Хранилища.

Содержание

Дело № 1000	4
Хранилище	7
Сотрудник	9
О фестивале	12
Варни и его 21-ое измерение	14
Ненаписанная симфония	19
За три часа до концерта	24
На сцене (Начало)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Колчин Максим

Подробности дела № 1000

Дело № 1000

Урнавир сидел в большом кожаном кресле, не отрываясь тупо смотрел на противоположную стену и курил огромную сигару, не особо заботясь куда падает пепел. Сегодня он пребывал в прескверном настроении. Два часа назад магистрат демонов Чёрной планеты, отказал ему в повышении звания до магистра, аргументировав свой отказ тем, что количество дел Урнавира на сегодняшний момент равно 999-ти и для перехода на новый уровень квалификации в его послужном списке не достаёт ещё одного. Сколько Урнавир не доказывал комиссии что эта цифра уже давно перевалила за тысячу, и что это видимо опять безответственный и сильно пьющий Кунрут напортачил со статистикой, сколько не возмущался: —Вы кому больше верите? Мне или этому вашему писарю Кунруту? —магистрат был непреклонен. Для повышения в должности до Магистра ему нужно в самое ближайшее время найти и погубить ещё одну невинную душу, с последующей задачей сбросить ее в низшие миры, тем самым доведя количество своих дел до тысячи.

Сигара не успокоила его. Он налил себе виски, стал хо-

дить по комнате и клясть всеми словами магистрат: —И это после всего того, что я сделал! И это после того, как я три года подряд (после этих слов Урнавир многозначительно поднял указательный палец вверх) признавался лучшим в своём деле.

Спустя какое-то время, выпустив пар и поняв, что весь запас словесных ругательств обращенных к местному магистрату у него иссяк, Урнавир почувствовал себя гораздо лучше. Сел опять в кресло, прищурил левый глаз и начал прикидывать: —Где бы их взять ещё в наше время эти невинные души... —думал он. —На средних планетах, типа Земли давно уже ловить нечего. Отлично мы там в своё время поработали.

Воспоминания об этом определенно доставляли Урнавиру истинное наслаждение и осознание своей значимости. Он сделал большой глоток виски в память о славных деньках и продолжил размышлять: —На высших если только попробовать... Какие там у них есть? Аркассия, Эллюр-Бинур, Белая...

Урнавир передёрнуло только лишь от одного упоминания всех этих названий и он, скривив набок рот, включил стеновизор. Новостные каналы с разных уголков вселенной листались автоматически, задерживаясь на несколько секунд до тех пор, пока случайно его внимание не привлёк один из них и он не остановился на нём. Какое-то время Урнавир просто вникал в то, что происходило на экране, потом в его

глазах появился интерес, потом они загорелись дьявольским огоньком, а потом и вовсе расплывшись в улыбке и поглаживая себя по подбородку он поднес бокал с виски к экрану стеновизора и чокнувшись с ним произнёс: —А денёк-то налаживается, чёрт побери!! Это ведь именно то, что мне и нужно. Ну что! За успех дела № 1000!– и осушил бокал до дна.

Хранилище

Хранилище располагалось на высоком живописном холме на берегу реки Санги и было несомненно гордостью Белой Планеты.

Это было красивое белокаменное здание с настенной резьбой, с виду напомилавшее храм, только вместо куполов у него были три башни, одна из которых была увенчена длинным шпилем, а на двух других зачем-то были установлены два радара, смотрящие прямо в небо.

Особенно величественно и немного таинственно здание выглядело ближе к вечеру, когда сумерки окутывали его со всех сторон, словно скрывая от посторонних глаз всё то, что находилось за его стенами, а радары, медленно вращаясь, казалось искали в вечерней мгле нечто такое, о чем могли знать только они.

Войдя в Хранилище, первое куда попадал посетитель, был просторный полукруглый холл, на стенах которого помимо светильников висели многочисленные фотографии тех, кто в разное время посещал это столь необычное место.

В конце холла была другая дверь, ведущая ещё в одно помещение, на которой была табличка с надписью "Фиолетовый зал". И вот о нём то нужно рассказать особо....

Задумывался ли когда-нибудь читатель над тем, как появилась на свет "Лунная Соната" Бетховена? Как Пушкин

сочинил роман "Евгений Онегин" или как например был открыт закон всемирного тяготения Ньютоном? Ну... или хотя бы как у Пола Маккартни получилось сочинить свою "Yesterday"?

Если бы была возможность задать подобный вопрос непосредственно самим авторам, то скорее всего они бы сначала надолго задумались в поисках ответа, а не найдя его, просто недоуменно пожали бы плечами или в лучшем случае сказали бы, что и сами хотели бы знать- как это у них всё так складно получилось.

Ответы на все эти вопросы на самом деле следовало искать совсем в другом месте, а именно за дверью с надписью: "Фиолетовый Зал". В нём на бесчисленных стеллажах, в небольших закрытых ячейках хранилось именно то, чему в последствие было суждено стать великой музыкой, книгой на все времена, изобретением, научным открытием, перевернувшим весь мир или картиной, обладание которой сделала бы честь любому серьезному музею.

Фиолетовый Зал был местом хранения великих творческих идей.

Сотрудник

Откуда и как идеи появлялись в ячейках никто не знал. Как никто не знал, что же такое “идея” вообще и каким образом она впоследствии оказывалась в сознании посетителей Фиолетового Зала.

Этого не знал даже Сотрудник. Впрочем, он и не пытался в это вникать. Он просто на протяжении долгих лет добросовестно изо дня в день исполнял свою работу, которая заключалась в том, чтобы выписывать приглашения. Приглашения тем, кого в одной из многочисленных ячеек Фиолетового Зала ждала ИДЕЯ.

Истинного возраста Сотрудника никто не знал. Казалось, что он был здесь всегда и давно стал частью самого Хранилища. Хотя, где-то в самых отдаленных уголках памяти, у него сохранились смутные воспоминания о том, что вроде бы когда-то он играл на гобое в каком-то симфоническом оркестре. Но точно сказать когда это было и что это был за оркестр он затруднялся.

Заступая ежедневно на свою вахту, Сотрудник первым делом заваривал себе чаю. Процесс заварки чая был обязательным и важным утренним ритуалом, проводился по всем правилам и не торопясь. Кроме возможности насладиться вкусом любимого напитка, утреннее чаепитие преследовало еще одну простую цель – немного отсрочить начало рабоче-

го дня и поразмышлять...

А размышлять Сотрудник любил. Вот сегодня, например, медленно потягивая с утра горячий чай, он безучастно смотрел на настенный календарь в своей каморке, которая располагалась рядом с лестницей ведущей в подвал Хранилища и размышлял о последней нашумевшей музыкальной премьере.

—Хорошо что приглашений теперь совсем немного и можно было вчера спокойно отлучиться в «Большую Черепаху» — рассуждал Сотрудник.

—Этот молодой начинающий композитор просто невероятен! Буквально только недавно впервые переступил порог Хранилища, а уже вчера оркестр под его управлением с большим успехом впервые исполнил его симфонию, которую отметили все, включая самого маэстро Ворка. А уж Ворк просто так никого хвалить не будет. Есть ещё таланты...Есть! Появляются... Не того масштаба конечно, что были раньше... И не так много... Но...

Тут Сотрудник отвлекся, чтобы сделать последний глоток из кружки, прервав тем самым свой внутренний монолог на тему измельчания в искусстве. Чайная церемония подходила к завершению и парой минут спустя он приступил к работе.

Достав список приглашенных, который ежедневно и опять же непонятно каким образом появлялся в почтовом ящике с надписью: "Для служебной корреспонденции", Сотрудник положил его перед собою на стол, и в очередной раз, не без

сожаления про себя отметил, что работы за последнее время заметно поубавилось.

—Были времена до двухсот приглашений в день выписывал. Одно время один даже не управлялся, помощников присылали. А сейчас что... Десяток если наберется — уже хорошо! Скукота...

К слову сказать, список приглашенных был и правда невелик. Но дело было вовсе не в отсутствие Идей. Идей меньше не становилось, просто с каждым годом становилось все меньше и меньше тех, с кем этой идеей хотелось бы поделиться. Тех, чьё сознание и душа оказались бы той благодатной почвой для небольшого зернышка, в которой бы оно прижилось, пустило бы свои корни, выросло и превратилось бы в прекрасный цветок.

Сотрудник понимал это как никто другой. Точнее сказать догадывался в чём причина таких перемен. Поэтому он без особого энтузиазма достал из ящика своего стола стопку чистых, сероватого цвета бланков для приглашений, оценивательно посмотрел на нее, и поняв, что такое количество ему точно сегодня не понадобится, оставил примерно треть, а остальные небрежно смахнул обратно в ящик. После чего макнул перо в чернильницу и как всегда старательно выводя каждую букву начал выписывать первое на сегодня приглашение для одной чрезвычайно талантливой писательницы.

О фестивале

Белая Планета всегда была в центре творческой жизни Вселенной. И не только потому что здесь находилось Хранилище. Каждый здесь был уникальной творческой личностью в самых разных областях, чья слава и известность простирались далеко за пределы места его проживания. Поэтому во-все не случайно, что все самые значимые конкурсы, выставки, конференции и фестивали вселенского масштаба проводились именно здесь.

К фестивалям классической музыки интерес на Белой Планете всегда был повышенным и поэтому такие мероприятия проходили здесь всегда с особым размахом. Нынешний фестиваль был юбилейным, 300-ым и обещал быть совершенно особенным по нескольким причинам.

Во-первых, концерты проходили в этот раз в течение целой недели (что было гораздо дольше чем обычно) и параллельно сразу в трех концертных залах, главным из которых как всегда был зал “Большая Черепаха”.

Во-вторых, никогда еще список приглашенных участников и гостей не был столь представительным как в этот раз. Практически все самые известные и авторитетные музыканты, вокалисты, оркестры и их дирижеры не раздумывая приняли приглашения организаторов. Даже сам маэстро Ворк, гениальный композитор и дирижер, несмотря на свой по-

чтенный возраст не оставил без внимания такое событие и дал согласие прилететь с планеты Эллюр-Бинур на фестиваль в качестве почётного гостя.

Ну и в третьих, впервые за всю долгую историю фестиваля, была организована прямая трансляция во все уголки Вселенной с применением самых высоких технологий, разработанных гениальными инженерами Белой Планеты. Это позволяло не только передавать 20-ти мерную картинку и звук в оригинальном виде, ощущая полное присутствие в концертном зале и его уникальной акустики, но и почувствовать себя оркестрантом на сцене, солистом за роялем и даже постоять за дирижерским пультом.

Подготовка фестиваля такого масштаба конечно была не самым простым делом, но в конечном итоге организаторами было сделано всё, чтобы в течении целой недели зрители практически в любом уголке вселенной имели возможность наслаждаться самыми последними сочинениями лучших современных композиторов и неувядаемой классикой, знакомиться с новыми музыкантами и встречаться уже с известными и давно любимыми.

С выступления одного такого молодого, но уже довольно известного пианиста и началась вся эта невероятная история.

Варни и его 21-ое измерение

Варни, как и все жители Белой Планеты, был уже с самого рождения наделён всеми необходимыми знаниями и навыками для сферы своей деятельности, которые проявлялись уже в самом раннем возрасте и которые можно было бесконечно развивать в течении всей своей жизни. По земным меркам это означало бы, что к примеру музыкант, родившийся на Белой Планете, уже с раннего детства владел фортепиано или каким-либо другим инструментом на уровне выпускника специализированной музыкальной школы или музыкального училища, а к 16-18 годам это был уже вполне сложившийся музыкант высочайшего уровня.

Как о большом пианисте о Варни заговорили сравнительно недавно. Поводом к этому послужила его громкая победа на межгалактическом конкурсе на лучшее исполнение произведений Рахманинова, на котором он триумфально исполнил знаменитый второй концерт. Особую значимость этой победе придавал тот факт, что конкурс проводился за закрытым занавесом, когда жюри оценивало игру конкурсантов “вслепую”, дабы ничто кроме исполнительского таланта самих участников не могло повлиять на распределение мест.

На следующее утро он проснулся уже известным, а несколько часов спустя, ближе к обеду, вдобавок ко всему получил приглашение открыть своим выступлением юби-

лейный фестиваль классической музыки в "Большой Черепаше".

Еще в детстве, как-то проходя мимо "Большой Черепашки", он случайно услышал из рассказа девушки-экскурсовода группе туристов, что своё столь необычное название концертный зал получил из-за того, что сверху очертания здания напоминают огромный черепаший панцирь, благодаря которому зал имеет совершенно уникальные акустические свойства и по праву считается одним из лучших во вселенной. А вот саму идею спроектировать зал именно такой формы, архитектору подсказал панцирь его домашней любимицы-черепахи Бениты, которая пережила своего владельца и после его смерти обрела свой новый дом в оранжерее на верхнем этаже концертного зала.

—С тех пор Бенита является символом нашего концертного зала и её изображение можно встретить на каждом приглательном билете —подытожила тогда свой рассказ о "Большой Черепаше" экскурсовод и все дружно заулыбались.

И вот спустя много лет, Варни уже не маленький мальчик, делающий свои первые шаги на музыкальном поприще, а уже довольно известный, перспективный, 20-ти летний талантливый пианист, которому доверили открывать самый престижный фестиваль классической музыки во всей Вселенной.

Когда зашел разговор о том, ЧТО исполнить на концерте в день открытия, устроители фестиваля были единодуш-

ны – конечно же второй концерт Рахманинова! Как написал чуть позже один музыкальный критик в весьма авторитетном музыкальном издании накануне открытия фестиваля о Варни : “Не упустите прекрасную возможность послушать того, кто исполняет Рахманинова абсолютно по своему и неповторимо, привнося в музыку совершенно свежие эмоции и новые краски. Всё это, вкупе с блестящим исполнительским мастерством позволило ему победить на недавнем конкурсе на лучшее исполнение Рахманинова...”

Юный маэстро был совсем не против исполнить его вновь, тем более что к этому концерту у него было своё, очень личное, даже несколько странное отношение. Дело в том, что каждый раз исполняя его, особенно лирическую вторую часть, Варни казалось... А точнее сказать, он был даже абсолютно уверен в том, что автор каким-то совершенно невероятным образом, словно бы наблюдая за ним со стороны, точно уловил и воплотил в своих музыкальных образах именно его ощущения, его чувства и его мысли, словно бы всё это написал он, Варни, о себе, но по какому- то досадному недоразумению авторство принадлежит не ему, а совсем другому человеку.

–Если бы я только мог сочинять как Рахманинов... Я бы точно написал что -то похожее. Столько всего внутри о чём бессильны рассказать слова и с чем так легко справляются эти чёрные точки с хвостиками на его нотном стане!—с досадой размышлял Варни, когда ещё впервые разобрал этот

концерт. После столь эмоционального рассуждения нетрудно догадаться, что тема сочинительства была далеко не безразлична ему...

Ещё с самого раннего возраста его любимым развлечением было подойти к роялю и сыграв несколько случайных нот или последовательность аккордов, постараться понять о чём это. А поняв, попытаться это как-то развить и в конце придумать название для этой небольшой музыкальной истории. Бывало и наоборот — Варни брал листок бумаги, накидывал названия пьес, словно они уже были им написаны и сочинял что-то на заданную тему.

Для творчества он придумывал самые разные способы — ставил, например, на подставку для нот вместо скучных этюдов какую-нибудь картинку и придумывал музыкальное сопровождение к ней, стараясь звуками передать то, что видит перед собою... Позже, стал использовать вместо простых картинок фрагменты каких-то кинофильмов. Воображая себя композитором, получившим заказ на музыку к фильму, он выключал звуковую дорожку и пытался сочинить свою. А сочинив, показывал кому-нибудь результат, с просьбой угадать на какой фрагмент это было написано...

Со временем, у него накопилось уже довольно много самых разных отрывков, набросков, тем, которые, как ему казалось, когда-нибудь перерастут во что-то гораздо большее, чем просто "наброски в блокноте" и станут чем-то, наподобие второго концерта Рахманинова или первого концерта

Чайковского...

А пока он просто наслаждался творчеством и это с каждым днем увлекало его всё больше и больше, становясь уже не просто развлечением и игрой, а способом выразить себя, создать свою заповедную зону, свое убежище, свой храм. Создать нечто такое, чего он не мог найти даже в 20-ти мерном пространстве Белой Планеты – продолжения, копии своего внутреннего мира, своего внутреннего Я. Творчество же предоставляло ему такую возможность — пребывать в своём личном двадцать первом измерении.

Ненаписанная симфония

Так всё и шло... Варни стремительно развивался как пианист, выигрывал конкурсы, гастролировал по всей вселенной, играя концерты с лучшими оркестрами и дирижерами, а параллельно с этим не переставая пробовал сочинять... Сочинять и надеяться, что когда-нибудь наступит такой день, когда он выйдет на сцену не просто как пианист, а уже как автор своего собственного крупного произведения...

Как-то раз, прилетев домой со своего очередного концерта, который прошел как всегда замечательно, но которым сам Варни почему-то остался не очень доволен, он, не раздеваясь от усталости рухнул на кровать и тут же уснул... Той ночью, как в калейдоскопе быстро менялись сны, которые без преувеличения могли бы стать сюжетом неплохого сюрреалистического фильма. То, ставшие огромными, черно-белые клавиши сами по себе непрерывно и назойливо играли какие-то этюды, то Санга вышла из берегов и Варни, почему-то стоявший по пояс в воде, что-то изо всех сил кричал каким-то людям, проплывающим мимо на плотках в маскарадных костюмах, то снился фиолетовый дождь, который как в фильме наоборот, падал не с небес на землю, а ровными тонкими струйками поднимался ввысь, от земли до самых облаков... А почти под утро ему приснилось и вовсе нечто странное...

Будто бы на сцене "Большой Черепахи" идет репетиция. Оркестр под управлением маэстро Ворка исполняет совершенно неизвестную и редкую по красоте музыку. Варни поначалу наблюдает за происходящим сбоку, из-за кулис, а потом, увидев свободное место рядом со вторым скрипачом тихонько садится рядом. Ни дирижёр, ни оркестранты абсолютно никак не отреагировали на появление нового человека, а проще сказать никто вообще не заметил его, словно он невидимка или фантом. Варни заворуженно слушает оркестр и в какой-то момент его посещает совершенно необъяснимое чувство, что музыка ему одновременно знакома и нет. Он с интересом заглядывает в ноты своего соседа скрипача, надеясь увидеть в них название произведения, и даже заблаговременно переворачивает ему страницы в нужных местах, не вызывая при этом хоть какой-нибудь реакции у того, словно это привычная обязанность Варни-переворачивать ему ноты, но выяснить ничего не удастся. Время от времени, Ворк прерывает репетицию, делает какие-то замечания виолончелям, что-то напевает первым скрипкам. Снова играют... Останавливает опять... Начинает рассказывать историю написания этой симфонии, что же на самом деле пытался вложить в её содержание автор... Слушая Ворка, Варни показалось довольно странным, что за всё время своего рассказа, дирижёр ни разу не упомянул имя автора и никто не задал по этому поводу ему ни одного вопроса, словно все и так прекрасно понимали о ком идёт речь... После слов

Ворка о том, что композитор писал эту музыку предчувствуя в скором времени очень долгую разлуку с родиной, домом и близкими, оркестр начинает звучать уже совсем по-другому, а странные ощущения Варни той необъяснимой близости со звучащей музыкой усиливаются ещё больше. Дирижёр уже доволен, улыбается, шутит о чём-то с виолончелями и благодарит остальных музыкантов. Потом объявляется небольшой перерыв и все на какое-то время уходят со сцены. Варни остаётся один и ведомый желанием непременно узнать название произведения и его автора, подходит к дирижёрскому пульту. Перед ним лежит открытая примерно на середине партитура того, что только что звучало. Он смотрит её, листает и с удивлением обнаруживает, что все до одной страницы пусты... Это просто чистые листы бумаги и на них нет даже нотного стана... Ничего не понимая, он в полном недоумении закрывает партитуру и невольно перед его глазами оказывается её первый, титульный лист. То, что он увидел, повергло его в недоумение и лёгкий шок. На титульном листе, сделанном из более плотной бумаги чем всё остальное, сверху, там, где обычно указывается автор, было написано его имя, а чуть пониже, шрифтом покрупнее название произведения: “Ненаписанная симфония”

Варни проснулся... Какое-то время ему понадобилось на то, чтобы понять, что всё происходящее было сном. Он начал вспоминать все подробности и вдруг осознал, что пять минут назад побывал, ни много ни мало, как на репетиции своей

собственной симфонии; полностью законченной, гениально инструментованной и сыгранной лучшим оркестром Вселенной. Эта мысль, словно ледяной душ окончательно пробудила его, заставила вскочить и броситься к роялю, из-за которого он не выходил в течении пяти последующих суток. Он как безумный день и ночь что-то наигрывал, записывал на ноты, ходил, напевая по комнате, лежал с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить хоть что-то из того, что слышал во сне, пробовал медитировать... В один момент ему показалось, что вроде бы он что-то нащупал, что вроде бы уже начали появляться какие-то отголоски того, что он искал... Но дальше коротких фрагментов дело не шло. Мысль утекала, обрывалась на полуслове, полуфразе, сворачивала куда-то совсем не туда, замолкала, словно неразговорчивый собеседник и наотрез не желала развиваться дальше. Настроенное из музыки быстро испарялось, ноты теряли жизненную силу, переставая рождать образы и превращались в бесполезные мертвые черные точки, в немые символы. В отчаянии, пытаясь хоть что-то воссоздать по крупичам из своего сновидения, он начал соединять фрагменты уже механически, насильно, принудительно, но отрывки категорически сопротивлялись, не складывались в единый пазл и ни в какую не хотели дружить между собою. И он это всё конечно видел, чувствовал и понимал... Понимал, что жалкий результат его отчаянных попыток за эти несколько дней, в конечном итоге, практически не имеет ничего общего с тем,

что открылось ему во сне. Что всего лишь сладостным, но одновременно и горьким послевкусием невосполнимой потери останется для него это непередаваемое чувство близости, которое он испытал во сне к собственной музыке. Подарок странным образом был вручён и тут же отобран. Скорее всего навсегда. Поняв всё это, Варни прекратил попытки, быстро встал из-за рояля, закрыл крышку и решительно смяв нотные листки, на которых что-то пытался безуспешно сочинять, без всякого сожаления уничтожил их. Сон оказался вещим. Симфония действительно осталась ненаписанной.

За три часа до концерта

В день открытия фестиваля, ближе к вечеру, площадь перед концертным залом до отказа заполнилась людьми. В воздухе витало ожидание и предвкушение грандиозного события. Количество желающих посетить первый концерт уже к полудню было явно гораздо больше того, чем мог вместить зал “Большой Черепахи”, а зрители с разных уголков вселенной всё прибывали и прибывали.

Для тех, кто по понятным причинам не сможет попасть в концертный зал, на площади были заблаговременно смонтированы два огромных экрана, также позволявшие ощутить полный эффект присутствия на концерте, словно вы зритель, сидящий на лучших местах.

Часа за три до начала, пробираясь с концертным костюмом через толпу к служебному входу, Варни мельком бросил взгляд на один из экранов, на котором в этот момент показывали фрагменты предыдущего фестиваля. Среди прочих участников, он увидел и себя, выступающего тогда еще в качестве простого пианиста- аккомпаниатора с одним довольно известным виолончелистом.

—О, да это же мы с Грэго... В камерном зале на прошлом фестивале! Соната №1 Шнитке.— автоматически пронеслось в голове у Варни. —И я ещё здесь в своём старом концертном костюме, который был впоследствии непоправимо уни-

чтожен кетчупом.

Варни были приятны эти воспоминания. Он даже начал было уже размышлять о том, что благодаря Грэго он полюбил музыку Шнитке, которая поначалу показалась ему довольно странной, но появившаяся яркая реклама на экранах, с напоминанием о том, что уже совсем скоро состоится открытие юбилейного фестиваля, тут же вернула его к мыслям о предстоящем выступлении. И он уже не задерживаясь, быстро преодолев препятствие в виде толпы людей, уверенно вошёл в дверь служебного входа. Увидев вахтера, ему уже не пришлось объяснять, как в прошлый раз, кто он и зачем здесь.

—Здравствуйте, Ваша гримерная 401 —услужливо сказал тот, выйдя к Варни навстречу. —Сейчас по этому длинному коридору направо и на 4 этаж. Вот ключ. Концертный костюм можете повесить в специальный шкаф у окна. Если с ним что-то не так, будьте уверены к началу выступления он уже будет как новый. Удачного выступления!

Варни поблагодарил вахтера, взял ключ и подумал: — Жаль, что три года назад таких чудо- шкафов еще не было. С пятном от кетчупа на старом костюме такой агрегат наверняка бы справился.

Он конечно же был наслышен о гениальном изобретении местного чудо- инженера Глайдера-Пеликовского, к которому идея соорудить свой шкаф-химчистку пришла после того, как его маленький сынишка разрисовал шоколадной пастой

спину его любимого белого пиджака. Но Глайдер -Пеликов-ский не растерялся, а бросил на спасение пиджака всю мощь своей инженерной мысли и пиджак снова засиял как новый!

Перед тем как подняться в примерную, Варни прошёл на сцену к инструменту, на котором ему уже через пару часов предстояло играть. "Умному роялю", стоящему на сцене "Большой Черепахи" не требовался настройщик. Вся регулировка механики, настройка и интонировка струн рояля происходили автоматически. Помимо этого, инструмент имел функцию более тонкой подстройки всех своих механизмов под руки и стиль игры конкретного пианиста. Варни сыграл начало первой части концерта Рахманинова, потом небольшой кусочек из второй, понажимал зачем-то несколько раз на правую педаль и убедившись, что рояль полностью отвечает и соответствует ему, словно точно скроенный костюм в ателье, мысленно поблагодарил его и поднялся в примерную.

Войдя, первое что попало ему на глаза, был тот самый знаменитый шкаф Глайдера- Пеликовского. Варни с интересом осмотрел его со всех сторон, осторожно открыл дверцу, заглянул внутрь и не увидя ничего особенного повесил в него свой концертный костюм. Как только дверца закрылась, шкаф сразу "ожил", запыхтел и слегка завибрировал, словно говоря:—Тааак... Ну что ж... Давайте посмотрим что с вашим костюмом не так?

Поизучав несколько минут костюм, шкаф выдал заклю-

чение, которое появилось на небольшом дисплее: —Пятен на объекте не обнаружено. Объект в идеальном состоянии. Вмешательств не требуется, —и затих.

Правее от шкафа, ближе к балкону на стене висел монитор, на экране которого, можно было наблюдать за тем, что происходит в данный момент на сцене и в зрительном зале. Внимание Варни привлекла элегантная, коротко стриженная брюнетка, по всей видимости тележурналист, о чём -то увлеченно беседовавшая на фоне рояля с невысоким человеком в серебристом костюме. Отвечая на вопросы, человек сопровождал свою речь весьма эмоциональными жестами, которые в отсутствие звука выглядели довольно забавно. Приглядевшись, Варни узнал в нём одного из организаторов фестиваля, а про журналистку мельком подумал: —Интересно, кто эта привлекательная леди?

В этот момент неожиданно прямо над ним в гримерке кто-то начал разыгрываться на трубе. Варни вздрогнул и с легким недоумением посмотрел на потолок, словно пытаясь просверлить его взглядом и посмотреть на нарушителя своего спокойствия. Сейчас, когда он собирался какое-то время побыть в тишине, звук трубы показался ему крайне раздражающим и чересчур громким. К счастью, это продолжалось совсем недолго и вскоре вновь воцарилась тишина.

Всё последующее время до концерта ничего особенного не происходило. Понаблюдав еще немного за происходящим на экране, он выключил монитор, прилёг на удобный мяг-

кий диван и закинув руки за голову, постарался ни о чём не думать. Ни о том какое количество любителей классической музыки будет смотреть в прямом эфире открытие фестиваля, ни о том, что в зале будут присутствовать многие выдающиеся музыканты и самые авторитетные знатоки, перед которыми точно не хотелось бы ударить в грязь лицом и ни о том, что последние несколько дней его периодически посещало какое -то непонятное чувство тревоги, которое было абсолютно никак не связано с предстоящим выступлением в "Большой Черепаше".

Мысли обо всём этом он как мог старался отгонять от себя. Но тем не менее, за 45 минут до начала, ему стало казаться, что его концертный костюм стал на два размера меньше, каблук левого ботинка вырос сантиметра на полтора, а может уменьшился правый, запонки на рубашке стали вдруг килограммовыми гириями, а воротничок рубашки и бабочка стали неприятно давить на шею. Вдобавок ко всему он обнаружил, что вообще не помнит как начинается второй концерт Рахманинова...

—Вся надежда на вас —глядя на свои пальцы подумал Варни. —Вы главное начните, а я попозже к вам уж как-нибудь присоединюсь. Потом усмехнувшись про себя добавил: —Надеюсь, что присоединюсь.

Начало выступления неумолимо приближалось, о чём Варни любезно напомнил появившийся в дверях тот самый невысокого роста человек в серебристом костюме с экрана

монитора. —Через 15 минут начинаем! —сказал он и шутя добавил: —Просим маэстро переместиться поближе к сцене. —Давно готов к перемещению —подхватил шутку Варни и сделав пару глотков воды, вышел из гримерной.

...Он появился за кулисами, когда оркестр уже выходил на сцену. Спустя какое-то время музыканты начали настраиваться. Скрипки, альты и виолончели созвучием квинт празднично заполнили зал, где-то поверх них по-весеннему весело защебетали флейты, их поддержали кларнеты. Чуть позже присоединились меланхоличные гобои, мягкие бархатистые фоготы и величественные волторны. Пару раз вставили своё веское слово литавры и контрабас. Так, постепенно в процесс настройки были вовлечены все инструменты оркестра, создавая тем самым ту изумительную какофонию, которая предшествует любому началу симфонического концерта и создаёт неповторимую атмосферу ожидания и предвкушения праздника музыки.

“Увертюра перед расстрелом” – шутя окрестил про себя эту какофонию стоявший за кулисами Варни, чувствовавший себя словно перед прыжком в воду с высокого обрыва. В эти последние минуты перед выходом на сцену, он испытывал двоякое чувство: огромное желание как можно поскорей уже покончить со всем этим, смешивалось с бурной рекою вовсю бушующего в крови адреналина, со страхом, но в тоже время азартом и любопытством перед неизвестностью и с переполняющей его душу радостью от возможности по-

делиться с публикой любимой музыкой Рахманинова.

Настройка закончилась, на сцене всё стихло и в этот момент за кулисами появился дирижер. Подойдя к Варни они дружелюбно поприветствовали друг друга, перекинулись парой слов, над чем-то посмеялись и тот похлопал Варни по плечу.

Тем временем, до отказа заполненный зал "Большой Черепахи" громкими аплодисментами решил напомнить артистам, что пора бы уже и начинать. Через пару минут, словно повинуясь этому настойчивому требованию, свет в зале стал чуть приглушеннее, а на сцене чуть ярче. Публика затихла и мёртвая тишина, как губка, постепенно впитала в себя все звуки вокруг, словно бы предложив музыке заполнить эту образовавшуюся пустоту...

На сцене (Начало)

—Ну что... Пора! Прошу Вас, Маэстро. —сказал дирижёр и жестом пригласил пианиста на сцену. Сердце Варни бесшумно заколотилось, пульс громким барабаном неприятно застучал в висках, а пальцы похолодели так, словно их поместили в сосуд с обжигающей ледяной водой. И тогда, чтобы не дать эмоциям больше ни единого шанса, он уже без всякого промедления быстро покинул кулисы и под бурные аплодисменты зрителей и оркестрантов, которые приветственно постукивали смычками о нотные пюпитры, решительным шагом направился к роялю. Подойдя к краю сцены, он с чуть смущенной улыбкой легким поклоном поприветствовал зал, потом оркестр и бросив быстрый взгляд на дирижёра сел за инструмент. Всё происходящее было для него как в тумане... Сознание ещё вовсе сопротивлялось выступать перед аудиторией, количество которой сложно было вообще определить каким -либо числом и Варни на мгновение показалось, что всё это происходит не с ним. Что на самом деле он всё ещё стоит за кулисами, а какой-то неизвестный ему смельчак под прицелом камер собирается исполнять второй концерт Рахманинова и это будет транслироваться на всю Вселенную. От волнения, смутно представляя ЧТО вообще он будет сейчас играть, Варни осторожно положил руки на клавиатуру рояля, с надеждой пристально посмотрел на них

и замер в ожидании, что всё каким-то образом начнётся само собой... То ли высшие силы в этот вечер были на его стороне, то ли руки сами и без того настолько хорошо знали материал, что ничего другого просто и не могли сыграть... Неизвестно... Но на его счастье пальцы не подвели своего не в меру разволновавшегося хозяина и автоматически расположившись на нужных нотах, сами безошибочно заиграли эти первые тяжелые фа минорные аккорды вступления с нарастающим крещендо. Через 10 тактов вступил оркестр, зазвучала главная тема и уже начиная с этого момента Варни, словно дайвер, погрузившийся глубоко под воду, полностью потерял связь с внешним миром и всё вокруг перестало существовать для него. Всё, кроме музыки... Она начала заполнять каждую клетку его тела, проникать в каждый уголок его души, а он, в свою очередь, вкладывать в нее уже свои чувства, свои эмоции, наполнять своим, понятным только ему смыслом. И только после такого необъяснимого, загадочного и скрытого от всех круговорота, каждый сидящий в зале смог услышать то, о чём так любят рассуждать в своих скучных статьях умные музыкальные критики, называя это “совместным творчеством композитора и исполнителя”, “удачной интерпретацией произведения” или как угодно ещё...

...Волнение и скованность мало-помалу ослабевали, а к началу побочной темы исчезли окончательно, уступив место ясному сознанию и предельной сосредоточенности на ис-

полнении. Порой, его отрешенный взгляд всё же ненадолго отрывался от клавиш и устремлялся куда-то поверх рояля. Со стороны могло показаться, что его внимание привлекало что-то, находящееся в правой от зрителей кулисе, но на самом деле описать в этот момент вообще хоть что-нибудь, что попадало в поле его зрения, было для него довольно затруднительно. Можно было только предположить, что это мог быть, к примеру, нечёткий профиль дирижера или общий размытый план, на котором в какое -то одно большое расплывчатое пятно сливались альты, виолончели, контрабасы, словно бы он смотрел на них через залитое дождем стекло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.